

Археология и идеология (20—30-е годы)

А.А. ФОРМОЗОВ

В 80-е годы вышли две книги, посвященные начальному периоду в развитии советской археологии. Автор одной из них заведующий сектором теории и методики Института археологии АН УССР, профессор, доктор исторических наук В.Ф. Генинг¹, другой — заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского университета профессор, доктор исторических наук А.Д. Пряхин². Книги получили официальное одобрение и положительные отзывы в печати³. Весьма близка к схеме развития советской археологии Генинга—Пряхина концепция, изложенная в статье директора института истории материальной культуры РАН В.М. Массона⁴.

Я не могу назвать книги Генинга и Пряхина просто неудачными. Авторы книг первыми взялись за разработку сложной темы, а первым всегда труднее. Некоторое, хотя и неполное, представление о последовательности событий в жизни отечественной археологии из книг получить можно. Нельзя забывать и то, что написаны они были в годы, когда о многом в печати сказать не удавалось, а архивные материалы для авторов были закрыты.

Тем не менее я полагаю, что обе книги содержат ложную концепцию развития советской археологии. Важно не только то, о чем авторы вынуждены были молчать, но и то, о чем они говорят со всей определенностью. Показательно, что никаких попыток пересмотреть свою концепцию ими предпринято не было⁵.

Книги Генинга и Пряхина охватывают один период — 1917—1934 г. (В 1934 г. было принято постановление партии и правительства о преподавании истории в школе, которое предусматривало исправление допущенных ошибок, но каких-либо принципиальных идеологических установок не содержало.) Здесь авторы следуют периодизации, предложенной в академических "Очерках истории исторической науки в СССР"⁶. Эти семнадцать лет рассматриваются как период формирования марксистской исторической науки в СССР.

Сегодня совершенно ясно, что данная периодизация не отражает всей сложности процесса. К тому же авторы практически обходят важный этап в истории науки — конец 20-х — начало 30-х годов.

Катаклизмы конца 20-х — начала 30-х годов не миновали и археологии. Большинство исторических учреждений страны было закрыто, были упразднены факультеты общественных наук в университетах, уничтожено краеведческое движение, а десятки историков репрессированы. Правда, центральное археологическое учреждение страны — Академия истории материальной культуры (ГАИМК), напротив, выросло. В нее вошли историки, избежавшие репрессий — В.В. Струве, Б.Д. Греков, Н.П. Грацианский, А.Д. Удальцов, В.Е. Сыроечковский и др.

Всячески замалчивая репрессии и кампании проработок конца 20-х — начала 30-х годов, авторы «Очерков истории исторической науки в СССР» достаточно скромно оценивают достижения тех, кто пришел на смену ученым старой школы — С.Г. Томсинского, С.А. Пионтковского, С.М. Дубровского и др. Значительные успехи в развитии исторической науки они связывают с учеными, становление которых прошло в дореволюционные годы и которые только после революции приняли марксизм — Б.Д. Грековым, В.В. Струве, Е.А. Косминским. Что касается археологии, то здесь, напротив, приоритет отдается тем, кто искоренял старую, "буржуазную", археологию; именно их авторы считают создателями советской археологии.

А.Д. Пряхин, строго придерживаясь периодизации "Очерков", выделяет в периоде

1917—1934 гг. два подпериода — начало и конец 20-х годов; В.Ф. Генинг, В.М. Массон, а также П.И. Борисовский⁷ и М.А. Тиханова⁸, старые сотрудники ГАИМК, — 1929 г., но все они считают, что все, произошедшее в те годы, весьма благотворно влияло на развитие науки.

Надо сказать, что раздела о советской археологии ни в IV, ни в V томе "Очерков" нет. Раздел был написан А.Л. Монгайтом, но испугал редколлегию. На заседании ученого совета Института археологии АН СССР раздел был подвергнут жесточайшей критике. Однако Монгайт все же удалось опубликовать его в журнале "История СССР"⁹. Перечитывая сегодня этот материал, написанный в дни хрущевской "оттепели", мы видим, что автор правильно указал на ряд отрицательных моментов в развитии археологии, чем и вызвал раздражение оппонентов. Но подобно своим оппонентам он представляет события тех лет так, будто археология развивалась в нормальных условиях, и не испытывала разрушающего воздействия извне.

Археология в России имела богатые традиции. Как наука она сложилась в XVIII в. Но переход от случайных раскопок к планомерному исследованию страны, собиранию коллекций, составлению необходимой документации и разработке классификаций древностей начался лишь во второй половине XIX в. В 1859 г. была основана специальная Археологическая комиссия при Министерстве императорского двора. Комиссия выдавала открытые листы на право проведения раскопок, собирала полевою документацию и коллекции, печатала ежегодные отчеты о всех известных ей раскопках и случайных находках на территории России, издавала такие серии, как "Материалы по археологии России" (с 1888 г.), "Известия археологической комиссии" (с 1901 г.).

В комиссии работали знатоки античной и скифской культуры Б.В. Фармаковский и М.И. Ростовцев и замечательный археолог А.А. Спицын. С комиссией было тесно связано Русское археологическое общество.

В Москве археологическое общество возникло в 1864 г. Во главе его стоял А.С. Уваров. Заслугой общества можно считать проведение археологических съездов (с 1869 по 1911 г. в разных городах страны прошло 15 таких съездов).

По инициативе Уварова в Москве был создан Российский исторический музей (решение о его организации было принято в 1872 г., открытие экспозиции состоялось в 1883). Многочисленные коллекции из раскопок, которые приходили в музей, разбирались и классифицировались сначала В.И. Сизовым, а после его смерти В.А. Городцовым. В XIX в. — начале XX в. в стране появились и местные исторические музеи¹⁰.

Плодотворно работали и сибирские отделения археологии Русского географического общества, губернские ученые архивные комиссии европейской части России, статистические комитеты и другие учреждения.

В конце XIX — начале XX в. появился ряд книг и статей, авторы которых по материалам раскопок и археологических находок пытались воссоздать историческую картину России: "Археология России. Каменный период" (1881) А.С. Уварова, "Древние города России" (1873) и "Северянская земля и северяне по городищам и могилам" (1908) Д.Я. Самоквасова, "Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена" (1913) В.В. Хвойко, "Скифия и Боспор" М.И. Ростовцева (написано до революции, издано в 1925 г.). В центре внимания авторов — культура, быт наших предков, вопросы происхождения народов.

Примером удачной исторической интерпретации археологических материалов может служить статья А.А. Спицына "Расселение древнерусских племен по археологическим данным" (1899)¹¹. Картографировав многочисленные находки различных женских украшений из славянских курганов, Спицын установил ареалы расселения древнерусских племен, в основном совпадающие с районами, указанными в летописи. Таким образом историки и археологи получили теперь более точное представление о границах расселения племен, курганы для них стали не просто средневековыми или славянскими захоронениями, а захоронениями вятичей, кривичей, радимичей. Со времени публикации статьи Спицына прошло более 90 лет, но выводы ее остаются в силе и сегодня.

Успехи археологов привлекли внимание историков. Ученики В.О. Ключевского П.Н. Милюков, Ю.В. Готье, С.К. Богоявленский сами взялись за раскопки курганов, а преемник Ключевского по кафедре русской истории в Московском университете М.К. Любавский начинал свой курс уже не с Киевской Руси, а с палеолита, по-

следовательно характеризую основные этапы древнейшего прошлого страны. Так же строили свои лекции Д.И. Багалея (Харьков), М.С. Грушевский (Львов).

Таково, очень коротко, состояние археологии в России к 1917 г. Существовали и система отчетов о раскопках, и музеи, хранившие коллекции, и научная периодика, и опыт исторической интерпретации материалов раскопок. Русские ученые поддерживали связи с зарубежными учеными, участвовали в международных конгрессах.

Однако это не означает, что все было хорошо. Скажу только, что археологическая комиссия контролировала раскопки лишь на государственных землях, следовательно, владельцы поместий могли копать курганы на своей земле без разрешения, не сдавая находки и отчеты в Петербург. Отсутствовал закон об охране памятников. Изученность огромной страны была крайне неравномерной. Хорошо была исследована европейская часть России, совершенно недостаточно — Сибирь, Средняя Азия, Казахстан, Дальний Восток и Кавказ. Церковные догмы мешали изучению древнейших этапов истории. Первый опыт преподавания археологии Спицына в Петербургском университете относится к 1909 г. Археологические институты в Москве и Петербурге готовили в основном архивистов.

Октябрь 1917 г. изменил жизнь всей страны, изменилось многое и в жизни археологов. Кто-то эмигрировал — председатель Археологической комиссии граф А.А. Бобринский, председатель Московского археологического общества графиня П.С. Уварова, всеми корнями связанные со старой императорской Россией; уехали и не принадлежавшие к титулованной аристократии академики Н.Ц. Кондаков, М.И. Ростовцев. Им казалось, что в новой советской стране ни для них, ни для их занятий места не найдется. Опасения не были беспочвенны. Изучение христианского искусства — область интересов Кондакова — в СССР долгие годы было запрещено.

Но большинство осталось, чтобы разделить судьбу своего народа, принять участие в строительстве новой жизни. После революции в стране возникли новые музеи, краеведческие общества¹². Сотрудники этих учреждений немало сделали для спасения культурных ценностей, оказавшихся под угрозой гибели в период гражданской войны. Деятельность местных любителей старины направляло Центральное бюро краеведения (ЦБК), возглавляемое вице-президентом Академии наук С.Ф. Ольденбургом. Активным сотрудником ЦБК был А.А. Спицын.

В 20-е годы во многих городах страны были открыты новые университеты. Они стали центрами подготовки археологов. В Саратове преподавал П.С. Рыков, в Самаре — В.В. Гольмстен, в Иркутске — Б.Э.Петри (среди его учеников — М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, А.П. Окладников), в Перми — А.В. Шмидт, в Смоленске — А.Н. Лявданский, в Харькове — А.С. Федоровский, в Казани — В.Ф. Смолин, в Одессе — М.Ф. Болтенко.

Самые сильные коллективы сложились, конечно, в столичных университетах. В Москве на факультете общественных наук преподавали, удачно дополняя друг друга В.А. Городцов (техника раскопок, музейное дело, работа с коллекциями) и Ю.В. Готье (опыты исторических построений на археологическом материале). Из университетских курсов возникли книги: "Археология. Каменный период" (1923) В.А. Городцова, "Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства" (1925) и "Железный век в Восточной Европе" (1930) Ю.В. Готье. Среди выпускников кафедры археологии МГУ 20-х годов такие известные советские археологи, как Б.Н. и О.А. Граковы, М.Е. Фосс, А.В. Арциховский, С.В. Киселев, А.П. Смирнов, П.А. Дмитриев, А.Я. Брюсов, Б.А. Рыбаков.

В Московском университете на кафедре археологии развивались два направления — классификация и систематизация древностей и их использование для восстановления ранних этапов истории, на кафедре антропологии, созданной на естественно-математическом факультете Д.Н. Анучиным, пытались на основе синтеза антропологических, этнографических и археологических материалов проследить истоки человечества и ранние стадии его культуры. Термину "археология" здесь предпочитали иной — "палеоэтнология" и тяготели к наукам не гуманитарного, а естественного цикла. Профессорами кафедры были Д.Н. Анучин, Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин, а среди выпускников — С.П. Толстов, О.Н. Бадер, М.В. Воеводский.

На кафедре археологии Ленинградского университета преподавали А.А. Спицын, А.А. Миллер, Б.В. Фармаковский, П.П. Ефименко. Миллер был выдающимся методистом, создателем не устаревшего до сих пор руководства по археологическим разведкам. Ленинградскую кафедру археологии окончили в 20-х годах М.И. Артамонов, А.А. Иессен, Т.С. Пассек, А.П. Круглов, Н.Н. Воронин, Б.Б. Пиотровский.

Школа Городцова была тесно связана с Историческим музеем, школа Жукова — с Музеем антропологии МГУ и организованным ею же новым Музеем центрально-промышленной области. В Ленинграде А.А. Миллер, С.И. Руденко, Г.А. Бонч-Осмоловский, М.П. Грязнов служили в этнографическом отделе Русского музея, где работал и С.А. Теплоухов, в начале 20-х годов создавший периодизацию древностей Минусинской котловины, сохранившую свое значение и сейчас.

В эти годы были образованы и научно-исследовательские учреждения археологического профиля — Российская (с 1926 г. — Государственная) академия истории материальной культуры (ГАИМК) в Ленинграде и Институт археологии и искусствоведения Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН) в Москве.

ГАИМК была основана в 1919 г. на базе Археологической комиссии. Первоначально предполагалось назвать преобразованное учреждение Академией археологии и искусствоведения, но заведующий отделом науки Наркомпроса М.Н. Покровский счел такое наименование несозвучным эпохе и предложил свое — Академия материальной культуры¹³. При утверждении декрета о создании Академии Ленин заметил, что смысл названия не ясен (может быть, речь идет о материальной культуре сегодняшнего дня?) и вписал еще одно слово — "истории"¹⁴. Так возник термин "история материальной культуры". Сначала этому термину не придали особого значения, но в 30-е годы его как ленинский, истинно марксистский термин стали противопоставлять старому, "буржуазному" термину "археология".

Во главе академии встал Н.Я. Марр, но он имел множество обязанностей и ее делами занимался мало. Важную роль здесь играли академики С.А. Жебелев и В.В. Бартольд, профессора Б.В. Фармаковский и А.А. Миллер. ГАИМК за первые десять лет своего существования выпустила пять томов "Известий" и два тома "Сообщений".

Жесткой централизации науки тогда еще не было. В РАНИОН, который не был еще подчинен ГАИМК, работали и ученые, начавшие свою деятельность до революции (В.А. Городцов, И.Н. Бороздин, А.А. Захаров, А.С. Башкиров), и их ученики. На семинаре по марксизму, возглавляемом В.М. Фриче, уже в 1924—1926 гг. А.В. Арциховский, С.В. Киселёв, А.Я. Брюсов, А.П. Смирнов¹⁵ выступали с докладами, в которых пытались использовать методы диалектического и исторического материализма для истолкования археологических материалов.

В национальных республиках также сложились серьезные коллективы археологов, например такие, как Всеукраинский археологический комитет (с 1921 г.), Белорусская комиссия археологии при Академии наук БССР (с 1925 г.), Узбекистанский комитет охраны памятников старины и искусства (с 1921 г.), Азербайджанский археологический комитет (с 1923 г.).

В целом археология в первое послереволюционное десятилетие не только не прекратила свое существование (как это случилось с геральдикой, генеалогией, историей христианского искусства), но и сделала определенный шаг вперед. Назову лишь открытие Г.А. Бонч-Осмоловским древнего палеолита в Крыму с погребениями неандертальцев в гроте Кииб-коба, С.Н. Замятинным первого палеолитического жилища и ряда произведений искусства в Гагарине на Дону, а также раскопки разновозрастных палеолитических стоянок в Костенках под Воронежем, возглавляемые П.П. Ефименко.

Следует отметить и изучение национальных окраин. В частности, А.А. Миллером Кабардино-Балкарии, Дагестана (1924—1933), И.И. Мещаниновым при участии Миллера Азербайджана (1926—1928), Армении, А.Ю. Якубовским Средней Азии (с 1927 г.), П.П. Ефименко Чувашии (1926—1927).

В 20-х годах еще сохранялись связи отечественной археологии с зарубежной. Так, первые номера выпускавшегося с 1927 г. в Хельсинки А.М. Тальгреном журнала "Eurasia Septentrionalis antiqua" составили в основном статьи советских авторов.

Таким образом, в 20-е годы продолжились традиции дореволюционной русской археологии, наметились и новые направления в ее развитии.

Вместе с тем в эти же годы прекратили свое существование и Русское (в 1924 г.) и Московское (в 1923 г.) археологические общества. В 1921—1922 гг. были закрыты все монастыри и большинство храмов, а изъятые у них церковные ценности, произведения русского прикладного искусства безжалостно уничтожены. Из конфискованных к середине 20-х годов уже тысяч церковных зданий разрушены были еще единицы, но

новые хозяева не заботились о сохранности оставшихся. Это было предвестием того разгрома культурного наследия России, которое вскоре последовало¹⁶.

Но гибли не только произведения искусства, гибли люди. В 1920 г. в Томске был расстрелян выдающийся исследователь древностей Сибири А.В. Адрианов. В 1925 г. были арестованы такие крупные археологи, как Д.И. Эварницкий, М.Я. Рудинский, Н.Е. Макаренко — руководители Днепропетровского, Полтавского и Киевского музеев¹⁷.

В идеологической сфере появились новые установки. Параллельно с Российской академией действовала Коммунистическая академия, слушатели которой пытались пересмотреть установки старой науки. В 1928 г. ученик Н.Я. Марра И.И. Мещанинов опубликовал в "Вестнике Коммунистической академии" статью "О доисторическом переселении народов"¹⁸. Как известно из этнографии, охотники, истребив дичь в каком-нибудь районе, земледельцы, истощив поля, скотоводы, потравив пастбища, переселяются на новые земли. Передвижения народов зафиксированы и историей (движение гуннов и монголов из Азии в Европу, заселение русскими Сибири, европейцами — Нового света). Отсюда археологи делали вывод, что следы древних переселений можно обнаружить по материалам раскопок. Если памятники последующей эпохи мало ходят на памятники более древние, то речь здесь может идти о новом населении. Но это не всегда так. Возможно, что посредствующие звенья просто не найдены, возможно, под влиянием каких-то факторов произошла резкая трансформация той же культуры. Именно об этом и говорил Мещанинов, но он говорил и о другом: переселения народов бывают крайне редко, ведущая линия — автохтонное развитие общества, переход его от одной стадии к другой. Так следовало из сложившейся к 1924 г. яфетической теории Марра ("новое учение о языке"), которую кое-кому хотелось превратить из непроверенной гипотезы в непререкаемую догму.

Статья Мещанинова не вызвала каких-либо перемен в работе археологов, но вскоре данные в ней установки были навязаны как обязательные для всех, а спор с ними приравнивался к вылазкам классового врага.

Теперь, наконец, перейдем к более всего интересующему нас периоду — конец 20-х — началу 30-х годов, периоду, когда по Генингу и Массону и были заложены теоретические основы советской археологии. Эти годы "великого перелома" имели отношение не только к колхозному строительству, но и к жизни всей нашей страны. Новые установки в археологии были даны ГАИМК, но посмотрим, на какой фон они накладывались.

Мы говорили о развитии краеведения в СССР в 20-е годы. Теперь ему пришел конец. Статья в журнале "Советское краеведение" (1931 г.) с характерным заголовком "На краеведном фронте Белоруссии и Украины", подписанная выразительной фамилией Хлыпало, хорошо передает дух времени: "Классовый враг глубоко проник в работу краеведных организаций Белоруссии... Подбор людей в краеведные организации производился из враждебных нам элементов, из среды интеллигенции, студенчества. Главная же ставка делалась на кулачество. Этими силами велась работа специально по подготовке интервенции. Ими изучались... районы, непосредственно граничащие с Польшей... Погибшую польско-рабскую культуру... контрреволюционные белорусские национал-демократы пытались возрождать и ею одурманивать головы трудящихся масс Белоруссии. Поэтому национал-демократы... ориентировались главным образом на церкви, синагоги, старинные замки... При организации музеев собирались и награждались иконы и всяческая другая ненужная и социально-вредная рухлядь"¹⁹. Что ждало обвиненных во всех грехах белорусских краеведов, понятно. В 1930 г. в республике было 333 краеведческих организации. Через год осталось всего несколько музеев, сотрудники которых боялись и думать о памятниках старины, твердо усвоив, что это "социально-вредная рухлядь".

Краеведческие общества закрыли не только в Белоруссии, но и в РСФСР, во многих других республиках²⁰. Печать тех лет была полна грубейших нападок на музеи, созданные народом в годы революции: здесь "окопались бывшие люди", иконы в экспозиции "то же, что контрреволюционные листовки"²¹ и т.п. Начались массовые репрессии среди музейных работников. В 1931 г. по делу краеведов Центрально-промышленной области было арестовано 92 человека из Курска, Орла, Липецка, Тамбова и Воронежа. Пятерых из них расстреляли, остальных приговорили к 3—10 годам лагерей²².

Гибли люди, гибли и результаты их работы. Были уничтожены краеведческие издания 20-х годов. Места серьезных исследователей занимали воинствующие невежды. Приведу только один пример. Директор Рязанского музея отдал собиравшуюся годами коллекцию икон XII—XVII вв. на изготовление ящиков для сельскохозяйственных машин. По случайно уцелевшим образцам можно предположить, что в доски были превращены произведения школы Рублева²³. Уничтожение величайших культурных ценностей, накопленных музеями и библиотеками, разрушение памятников старины стало системой. Число памятников, подлежащих охране в РСФСР, сократилось с 3000 в 1930 г. до 1200 в 1931 г.²⁴

Тот, кто пытался выступать в защиту культурного наследия, подвергался репрессиям. В 1932 г. "Советское краеведение" так характеризовало профессора ЛГУ И.М. Гревса: "Гревс идеализировал буржуазно-помещичий строй, проводя эту идеологию под флагом сохранения памятников старины... Гревс... откровенно заявляет, что всеми "памятниками старины должны дорожить" и следует "оберегать их от разрушения и порчи". Следовательно, по Гревсу, самодержавием тоже надо было дорожить и охранять его"²⁵. Были репрессированы и Гревс, и известные знатоки памятников культуры П.Д. Барановский, Г.К. Вагнер, А.И. Анисимов, Ю.В. Олсуфьев (последние два погибли).

Жестокий удар был нанесен по археологии Украины и Белоруссии. Здесь в ход шли обвинения в буржуазном национализме. Среди репрессированных на Украине были М.Я. Рудинский, И.Ф. Левицкий, Н.Е. Макаренко, П.И. Смоличев, в Белоруссии — А.Н. Лявданский, С.А. Дубинский, А.З. Каваленя, Н.Н. Щекочихин и др. К обвинениям в национализме добавлялись и такие обвинения, как подготовка диверсионных актов. Так, украинские археологи, изучавшие памятники, обреченные на затопление при строительстве Днепротэса в 1927—1932 гг., обвинялись в подготовке взрыва электростанции. Об этом, якобы имевшем место событие, был написан роман М.М. Подзелинского "Потомки сечевиков" (1932, 2-е изд., 1934). Той же теме посвящен и кинофильм М.Э. Чиаурели "Хабарда" ("Берегись!")²⁶. Легко представить себе, в каких условиях приходилось в те годы работать археологам в поле.

В начале 30-х годов были закрыты факультеты общественных наук в университетах. Подготовка археологов прекратилась. Трагична судьба преподавателей периферийных университетов: Б.Э. Петри расстрелян, П.С. Рыков и А.Н. Лявданский погибли в концлагерях, М.Ф. Болтенко провел в лагерях более 10 лет, А.С. Федоровский вынужден был перекалфицироваться в геолога, В.Ф. Смолин стал библиотекарем в одном из санаториев на Кавказе... Только А.В. Шмидт и В.В. Гольмстен смогли перебраться в ГАИМК.

Репрессии коснулись и столичных университетов. Были арестованы оба профессора-археолога кафедры антропологии — Б.С. Жуков и Б.А. Куфтин. Первый погиб в концлагере, второго выслали в Вологду. Производилась чистка университетов от идейно чуждых преподавателей, ученых старой школы. Лишили права преподавания В.А. Городцова. В Ленинградском университете, классика русской археологии члена-корреспондента Академии наук СССР и действительного члена ГАИМК А.А. Спицына признали несоответствующим занимаемой должности и перевели из профессоров в доценты, а затем и совсем уволили²⁷. Вскоре он умер.

Пострадали и столичные музеи. В Москве закрыли Музей Центрально-промышленной области. В Ленинграде страшному разгрому подвергся Русский музей. Арестовали не только создателя картинной галереи П.И. Нерадавского и собирателя коллекции икон Н.П. Сычева, но и всех археологов — С.И. Руденко, С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова, Г.А. Бонч-Осмоловского, А.А. Миллера. Миллер умер в ссылке. Теплоухов повесился в тюрьме. Руденко был арестован после возвращения из экспедиции на Алтай, где вел раскопки Пазырыка — знаменитого кургана скифского времени (в вечной мерзлоте хорошо сохранились и деревянные вещи, и ковры, и тела погребенных с татуировкой, и многочисленные художественные изделия). Это было открытие мирового значения. Руденко успел написать предварительные сообщения о находках. Они вышли с подписью "С.Р.", поскольку автор сидел в тюрьме. Приступить к обработке материала экспедиции ученому довелось лишь через 17—20 лет, когда он вернулся в Ленинград.

Другой крупнейший центр истории и археологии — РАНИОН был закрыт, его сотрудники Ю.В. Готье, А.А. Захаров (погиб), И.Н. Бороздин, А.С. Башкиров репрессированы.

Труд Ю.В. Готье "Железный век в Восточной Европе" стал предметом разбора в журнале "Историк-марксист". Заглавие рецензии: "Как разрабатывают буржуазные историки идеологию диверсии". Обзор археологических источников по истории Восточной Европы оказывается "образчиком того, как создается буржуазной профессурой идеология интервенции против СССР. Вместе с тем концепция проф. Готье представляет собой "опыт" примирения "сменовеховского "евразийства" с авгуровской позицией" (имелась в виду книга некоего Авгура "СССР — угроза цивилизации"). "Вокруг великодержавнического стержня напутано такое, чего никак нельзя иначе расценивать, как поблажкой местным националистам... (например)... идеализация Волжской Болгарии... в угоду и на предмет драк чувашских и татарских националистов)... Сменовеховская буржуазная интеллигенция идет по вехам "Промпартии" до Парижа... Готье отразил... сдвиги... к прямой контрреволюции под руководством Парижа"²⁸. Трудно сейчас понять, чем же казалась так опасна археологическая книга Готье. Диким выглядит то, что упоминания о передвижениях народов, о колонизации некой территории воспринимались как призыв к интервенции против СССР. Или дело было совсем не в этом?

Теоретик из ГАИМК В.И. Равдоникас утверждал, что Готье взялся за археологию неспроста. Он ведь историк, а не археолог, но в истории уже господствует марксизм, а в гнилом болоте археологии буржуазным ученым пока можно отсидеться"²⁹. В действительности же Готье вел раскопки уже тогда, когда Равдоникас не ходил в школу, и еще до революции написал программную статью об использовании археологических материалов для воссоздания ранних этапов русской истории"³⁰. Готье был выслан в Самару и за несколько лет выступил в печати только один раз — с переводом "Путешествия на Луну" Сирано де Бержерака.

Другой ведущий археолог Москвы В.А. Городцов потерял службу и в РАНИОН, и в МГУ, и в Историческом музее. Его называли белогвардейцем, поскольку в молодости он был офицером (не в гвардии, а в армии, вышел в отставку в 1904 г.), пропагандистом формального вещеведения, буржуазного типологического метода. Приютил Городцова только Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде, но от поношений в печати это его не спасало.

В 1932 г. группа учеников Городцова и других молодых археологов вошла в ГАИМК в качестве Московского отделения — МОГАИМК. Ленинградское руководство сразу же постаралось приструнить молодых ученых, заставить их отречься от Городцова, принять установки, выработанные академией.

Что же происходило в эти годы в ГАИМК? Прежде всего в нее влилась группа сотрудников Комакадемии: Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, А.Г. Пригожин и др. Археологического образования у них не было, в раскопках никто из них не участвовал. Однако ключевые позиции были отданы им. Кипарисов и Быковский стали заместителями Марра вместо В.В. Бартольда и С.А. Жебелева. Марр уже тяжело болел и редко появлялся в академии, Кипарисов подменял его все чаще, а после его смерти исполнял обязанности президента. Быковский наряду с работой в ГАИМК возглавлял отделение археологии в ЛГУ, а потом в ЛИФЛИ. Кипарисов писал мало, Быковский много.

В эти годы резко сократился объем изданий ГАИМК. Вместо толстых томов "Сообщений" в 1931—1932 г. стали выходить тоненькие сдвоенные номера ежемесячного журнала. В 1933 г. журнал получил новое название "Проблемы истории материальной культуры", в 1934 — "Проблемы истории докапиталистических обществ". "Известия" тоже выходили не томами, а выпусками и брошюрками. В этом отразилась тенденция отхода от фундаментальной науки, переход к публицистическому жанру.

Признанным мастером этого жанра был В.И. Равдоникас, выпустивший в 1930 г. программную брошюру "За марксистскую историю материальной культуры". В ней говорилось о необходимости коренной ломки ГАИМК и всей археологической деятельности в стране. Сейчас эта брошюра воспринимается как раннее произведение члена-корреспондента АН СССР, заведующего кафедрой археологии ЛГУ, короче — одного из ведущих советских ученых. Но в 1929 г., когда Равдоникас пришел в ГАИМК и сделал свой доклад, он таковым еще не был. Археологическое образование у него было. Он окончил Петроградский университет, учился у А.А. Спицына. Участвовал в Первой мировой войне, вступил в ряды РСДРП, сыграл какую-то роль в дни Октября. Потом из партии вышел и вернулся на родину в г. Тихвин. Там проявил

себя как краевед и организатор культурной работы: создал музей в одном из бывших монастырей, редактировал газету, курировал театральные кружки³¹. Человек он был, безусловно, умный, достаточно начитанный, прекрасный оратор, ловкий полемист. Тем не менее ясно, что диктовать, как жить целой академии, недавний тихвинский краевед, автор двадцати мелких заметок мог только в том случае, если за его спиной стоял тот, кто мог приказать издать его доклад и принять как директиву на будущее. Это было время выдвигенцев, смены старых кадров.

Вот эти-то люди — Кипарисов, Быковский, Равдоникас — и представляются кое-кому создателями советской археологии. Просмотрим же, что они делали и к чему призывали.

Прежде всего нельзя забывать, что в начале 30-х годов репрессии и проработки археологов велись не только за стенами ГАИМК, но и внутри него. Были репрессированы члены академии А.А. Миллер, Н.П. Сычев, Ф.И. Шмит, М.В. Фармаковский, В.В. Богданов, В.А. Никольский, Н.П. Лихачев, нумизмат Р.Р. Фасмер, заведующий библиотекой член-корреспондент В.Н. Бенешевич, уволены А.А. Сеницын и востоковед с мировым именем В.В. Бартольд. Быковский писал: "Для тех, кто марксистски мыслить не может, должны быть применены методы воздействия более сильные, чем разъяснения и убеждения"³².

Репрессии затронули ученых не только старой школы, старшего поколения, но и более молодых, да и тех, кто старался приспособиться к новым установкам. Погиб М.Г. Худяков — человек с хорошей подготовкой, выпустивший ряд полезных работ по финской археологии и... серию статей в вульгарно-социологическом духе. Аресты, проработки, увольнение пугали людей, и далеко не все из тех, кто заявил о своем признании новых установок, был искренен. Генинг удивляется, почему Арциховский, Киселев и Смирнов вдруг отказались от своих идей³³. Между тем ясно, что в тот момент они думали лишь о том, как бы выжить и сохранить возможность работать.

Новое руководство ГАИМК стремилось к полной унификации. Установки должны были стать обязательными для всех — и для москвичей из ликвидированного РАНИОН, и для археологов всей страны. Для этого нужно было опереться на непрекращаемые авторитеты. В качестве таковых назывались классики марксизма, а также М.Н. Покровский и Н.Я. Марр. Равдоникас начал ссылаться и на Сталина.

Вернемся теперь к термину "история материальной культуры". Удачен ли этот термин? Подчеркнут историзм данной научной дисциплины, это хорошо. Но термин узок — почему только материальная культура? А духовная? Ведь изучение погребального обряда, древних произведений монументального искусства и малых форм дает археологам возможность глубже проникнуть в особенности духовного мира первобытного, античного, феодального общества. Понятно, что упор делался на социологическую тематику, но ведь история культуры, история этническая, — все это тоже сферы археологии. Но было объявлено, что археология это лишь вспомогательное направление в истории, вроде сфрагистики или геральдики. Могут быть археологические, сфрагистические исторические источники, изучение истории с помощью археологических раскопок, но нет самостоятельной науки археологии со своими задачами и методами.

Попытки молодых сотрудников РАНИОН создать марксистскую археологию были признаны идейно-порочными, и их вынудили отречься от своих взглядов. Так появилась статья Арциховского, Киселева и Смирнова "Возникновение, развитие и исчезновение марксистской археологии". (Находившийся в экспедиции А.Я. Брюсов поспешил прислать письмо, присоединяясь к отречению.) В статье читаем: "При диалектико-материалистическом понимании исторических источников археология теряет право на существование как самостоятельная и даже вспомогательная наука. Она подлежит упразднению"³⁴. Аналогичное решение было принято на Всероссийском археолого-этнографическом совещании 1932 г.³⁵

В итоге археология начала постепенно утрачивать свою специфику, растворяться в социологии. Ставился вопрос о том, что ГАИМК должен изучать материальную культуру не только докапиталистических обществ, но и периода капитализма и социализма. В академию пришли новые сотрудники. Никакой реальной работы эти люди не сделали, археологи же были оттеснены на задний план. Некоторые номера журнала "Проблемы истории докапиталистических обществ" не содержали ни одной археологической статьи.

Археология отныне именовалась устаревшей "буржуазной наукой", "вещеведе-

нием". То, что никакие серьезные исторические выводы невозможны без трудоемкой работы с вещами из раскопок, их классификации, анализа условий находок и т.д., не принималось во внимание. Равдоникас буквально издевался над книгой Арциховского "Курганы вятичей" (1930), как над формально-типологической, перегруженной описаниями и классификацией каких-то бус и перстней, а не орудий труда. Все это называлось "городцовщиной", "буржуазным типологизмом". Сам Городцов не смог продолжить совершенствование своего типологического метода. Некоторые его ученики отреклись и от него и от его идей. Что касается Миллера, то о нем Равдоникас писал, что он любит "с тошнотворной скукой для читателей в тягучих отчетах обсаживать собственный раскопчный материал, и ни одного шагу далее. Эмпиризм... опасен, потому, что он представляет удобную ширму, за которой можно прятаться, уклоняясь от марксизма"³⁶.

Следствия из этих установок были самые печальные. Прекратились публикации результатов раскопок. Резко упала отчетность об археологических исследованиях. За начало 30-х годов в архиве Института археологии АН СССР почти нет полных отчетов. Есть лишь отписки в 2—3 странички, в которых, как правило, говорится приблизительно следующее: изучались памятники архаической формации, свидетельствующие о разложении родового строя. Археологам навязывались заранее составленные выводы, избавлявшие их тем самым от кропотливой полевой и камеральной работы. А поскольку многие приходят в археологию ради романтики полевых исследований, а не ради скрупулезного анализа результатов раскопок, то опасная тенденция нашла свое развитие.

Другое новое положение, усиленно внедрявшееся теоретиками ГАИМК — отказ от признания миграций и прослеживание повсеместного автохтонного развития общества по единым для всего мира законам стадиальности. Известные резоны в этих положениях были. Объяснения каких-либо изменений в культуре приходом нового населения далеко не всегда оправданны. Даже если такой приход был, как правило, оставался некий субстрат первоначальной культуры, оказавший влияние на дальнейшее развитие населения данной территории. Конвергенция, черты сходства в близких по типу культурах, например, у ранних земледельцев или у скотоводов Европы и Азии, — распространенное явление. Но все эти положения были доведены до абсурда. Появились даже тождество: миграционизм — это расизм, а расизм — это фашизм. Кто говорит о миграциях, льет воду на мельницу фашизма. Равдоникас писал: "Теория миграций — стусок идеологии империализма"³⁷. В действительности большинство западных ученых, говоривших о миграциях, ни расистами, ни фашистами не были.

Из антимиграционизма делались далеко идущие выводы в самых разных областях науки. Начало трави великого русского биолога Н.И. Вавилова, приведшей к его трагической гибели, связывают³⁸ с появлением в 1932 г. брошюры Г.В. Григорьева "К вопросу о центрах происхождения культурных растений". После ее выхода прекратились поездки Вавилова с экспедициями за рубеж, в 1935 г. его вывели из состава ВЦИК, тогда же он потерял пост президента Академии сельскохозяйственных наук. Вавилов утверждал, что ареалы предков культурных растений очень узки. Следовательно, нельзя предполагать повсеместное возникновение земледелия. Оно зародилось в немногих местах, а уже оттуда, путем заимствований и миграций, распространилось на другие территории. Это положение принято всей мировой наукой, но марровские теоретики принять его не могли.

Не беря во внимание аргументы биолога, молодой сотрудник ГАИМК Григорьев отчитывал академика: "Сущность ошибок Н.И. Вавилова в том, что он разделяет точку зрения индоевропейского языкознания... Реакционная шовинистическая западноевропейская лингвистическая теория производит индо-германцев от какого-то индо-германского пранорода, индо-германской расы... Н.И. Вавилов следует индоевропейской "теории" миграций, насквозь лживой и шовинистической... Остается пожалеть, что весьма популярный в СССР академик... став на индо-германскую миграционистскую точку зрения, объективно поддерживает реакционную школу в социологии, как отечественную, так и заграничную. Этих "прегрешений" не было бы, если бы Вавилов немного подучился у великого теоретика Марра, а так он оказался ничем не лучше прочих буржуазных специалистов, которые "или вовсе не пользуются диалектико-материалистическим методом... или сдают свои позиции перед лицом буржуазной науки, относясь к ней недостаточно критически"³⁹.

Это пример влияния автохтонистской концепции на историю хозяйства, культуру. Еще катастрофичнее последствия были для этнической истории. Первый упоминаемый древними авторами народ, обитавший в пределах Европейской части страны — киммерийцы. Единственная книга, изданная Быковским в "Известиях ГАИМК" (1931. Вып. 89), озаглавлена "Яфетический предок восточных славян — киммерийцы". Если следовать этой книге, то оказывается, что киммерийцы не конкретный народ, а стадия в развитии любого этноса. И чуткий к духу времени С.В. Киселев тут же выделил "киммерскую стадию" на Енисее, где никаких киммерийцев никогда не было⁴⁰.

У Равдоникаса потомками киммерийцев были скифы, потомками скифов — сарматы, потомками сармат — готы⁴¹, хотя известно, что скифы вытеснили киммерийцев, придя с востока, затем то же сделали со скифами сарматы, а готы пришли в Причерноморье из Прибалтики. У Арциховского славяне — вятичи оказались прямыми потомками финнов, оставивших мордовские могильники и дяковские городища⁴².

Все это совершенно искажало реальную историческую картину. То же и с умеренным применением идеи стадиальности. Да, есть стадиальные черты у ранних земледельцев, есть — у скотоводов, но уже культура земледельцев предгорий и лессовых плато, ранних скотоводов степей и скотоводов пустынь далеко не тождественна. Если все эти различия смазывать, остается сухая социологическая схема, а не живая история.

Автохтонизм мешал исследованию процесса заселения территории СССР человеком. В период палеолита север Европы был покрыт ледником, и люди там не жили. Потом ледник стал таять, отступать севернее. На освободившиеся территории продвигались стада животных, а за ними охотники. Чем севернее, тем их стоянки моложе. Это хорошо прослеживается археологически, и это вполне историческое направление в археологии. Но, когда сотрудники Исторического музея А.Я. Брюсов и М.Е. Фосс создали экспозицию, отражавшую этот процесс, последовал окрик Быковского. Вновь говорилось о миграционизме, расизме, фашизме и к тому же панфинизме и повторялись угрозы применить иные, чем убеждение, методы воздействия⁴³.

В приверженности руководителей ГАИМК к автохтонности и стадиальности было что-то от лозунгов того времени — "в одной отдельно взятой стране", "общий интернациональный путь народов к мировой революции", но научные ли это лозунги?

Так выглядел "ГАИМКовский" историзм. Одним из врагов его было объявлено, "биологизаторство". Классификации археологического материала всегда использовали опыт биологов. И то, и другое почиталось крайне вредным. Б.С. Жуков с его палеоэтнологией "объективно... — писал Равдоникас, — льет воду на мельницу империализма"⁴⁴. Столь же рьяно прорабатывали за биологизаторство Г.А. Бонч-Осмоловского.

Надо сказать и о том, что в начале 30-х годов порвались связи советской археологии с зарубежной. После того как Тальгрэн сказал в "Eurasia Septentrionalis antiqua" об опасных тенденциях развития археологии в СССР, журнал был объявлен фашистским, и все печатавшиеся в нем приравнивались к врагам народа⁴⁵. Ученые, побывавшие в заграничных командировках, были репрессированы.

Что же в начале 30-х годов в советской археологии не было ничего положительного? Нет, конечно. Оставалось много серьезных ученых, продолжавших тщательно вести раскопки, скрупулезно обрабатывать коллекции, искать пути их исторической интерпретации. Но выступать в печати им было трудно, а порою и невозможно. Тон задавали официозные теоретики и крикливая аспирантская молодежь⁴⁶.

Принято связывать с переменами в жизни археологии на рубеже 30-х годов появление ряда работ, безусловно, сыгравших положительную роль в развитии нашей науки. Таковы вышедшие в "Известиях ГАИМК" "Дородовое общество" П.П. Ефименко (1934. Вып. 79), "Родовое общество степей Восточной Европы" А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого (1935. Вып. 119). "Разложение рода и феодализм на Енисее" С.В. Киселева (1933. Вып. 65), "Подсечное земледелие в Восточной Европе" (1932. Т. XIV. Вып. 1) П.Н. Третьякова, статья А.В. Арциховского "Возникновение феодализма в Суздальской и Смоленской землях". Да, это интересные и значительные работы, но почему ставить их в связь с деятельностью Быковского, Кипарисова или

Равдоникаса? Круглов и Подгаецкий — ученики Миллера, Арциховский и Киселев — Городцова и Готье, Третьяков — Ефименко. Опыты применения марксизма к археологии проводили в РАНИОН еще в середине 20-х годов.

Внимание к социально-экономическим проблемам возникало в археологической науке еще задолго до Равдоникаса и Быковского, иногда под влиянием марксизма, иногда — экономического материализма. Назову книги Н. Зиберы "Очерки первобытной экономической культуры" (1899), "Историю государственного откупа в Римской империи" М. Ростовцева (1899), "Государственное хозяйство России в первой трети XVIII столетия и реформы Петра Великого" П. Милокова (1892), "Русскую фабрику" М. Туган-Барановского (1898), "Историю народного хозяйства" И. Кулишера (Ч. 1—2. 1925) и т.д. Социологическое направление в истории и археологии родилось в результате внутреннего развития науки, а не под воздействием насильственно внедренных в нее извне теоретиков и функционеров.

1934 г. — год смерти Марра и выхода в свет постановления партии и правительства о преподавании истории в школе, разоблачения исторического направления М.Н. Покровского — ознаменовал начало кризиса ГАИМК. Новый президент так и не был назначен. В 1935 г. прекратилось издание журнала "Проблемы истории докапиталистических обществ". За весь 1936 г. вышел только один том "Известий ГАИМК" (132-й): "По трассе первой очереди Московского метрополитена (архивно-исторические и археологические работы Академии в 1934 г.)". В 1936 г. Кипарисов, Быковский, Пригожин были репрессированы. В 1937 г. ГАИМК преобразован в институт (ИИМК) Академии наук СССР.

Правда, в эти годы вышли в свет в серии "Известий ГАИМК" сборники, посвященные конкретным археологическим исследованиям: "Палеолит СССР" (1935. Вып. 118), "Из истории родового общества на территории СССР" (1935. Вып. 106), "Археологические работы Академии на новостройках" (1935. Вып. 109, 110), "Из истории древней металлургии Кавказа" (1935. Вып. 120), "Из истории Боспора" (1935. Вып. 104) и т.д. Напротив, схоластические споры об архаической формации прекратились.

Посмотрим, несколько долговечно оказались установки, внедренные в археологию в конце 20-х — начале 30-х годов.

Название института — Институт истории материальной культуры — в 1961 г. было заменено на естественное — Институт археологии АН СССР — правда, не без труда. Организованный в 1934 г. на базе Всеукраинского археологического комитета Институт истории материальной культуры Академии наук УССР уже в 1938 г. был переименован в Институт археологии.

В 1936 г. вышел первый том серии "Советская археология", создателем которой был замечательный советский археолог С.Н. Замятнин, выпускал серию старейший русский музей (бывшая Кунсткамера), музей антропологии, археологии и этнографии АН СССР (название 1934—1937 гг.). С.Н. Замятнин рассказывал, что название сборников, кажущееся сейчас таким естественным, звучало тогда остро полемично по отношению к установкам ГАИМК. Но редактором сборников был не Замятнин, а И.И. Мещанинов, вступительные статьи писал все тот же Равдоникас. В томе III за 1937 г. он напечатал статью "О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий", о гнусных зинovieвцах Кипарисове и Быковском и их приспешниках. Особенно плохи, по Равдоникасу, оказались Арциховский, Киселев и Смирнов, дерзнувшие отказаться от марксистской археологии.

Идеи неперемного автохтонизма окончательно отпали после "лингвистической дискуссии" 1950 г. как антимарксистские. Что же касается проблемы этноса, то с конца 30-х и до середины 50-х годов эта проблема была в центре внимания советских археологов. Порванные в 30-е годы контакты с зарубежными коллегами начали восстанавливаться после войны и особенно после XX съезда партии.

Но одна рана, нанесенная археологии в 20—30-е годы, не зажила до сих пор — противопоставление "вещеведения" как чего-то второсортного любым, даже явно спекулятивным, обобщениям. В результате работа по классификации коллекций пришла в упадок, задуманная в 1956 г. академиком Б.А. Рыбаковым серия "Свод археологических источников СССР" вышла разрозненными книгами, содержание которых поражает полнейшей несопоставимостью методов обработки с подачей материала.

Особенно трагично положение музеев. Сегодня только 43% городов России имеют

музеи. Только один процент музеев оснащен современным, специальным, оборудованием⁴⁷. Условия хранения коллекций, как правило, ниже всякой критики, не хватает квалифицированных кадров (они были выбиты в 30-е годы, преемственность прервалась), коллекции, добытые с большими затратами государственных средств, нередко просто уничтожаются.

Приведу один пример. В 1954—1957 гг. В. Котович провел раскопки стоянки Чох в высокогорном Дагестане. Собранные материалы описаны им в книге "Каменный век Дагестана" (1964). Через 10 лет у него возникла мысль пересмотреть эти находки с использованием новых приемов анализа кремневых орудий. Котович позволил проделать такую работу аспиранту Х. Амирханову. В автореферате его диссертации читаем: "Мы не располагаем в настоящее время полным составом инвентаря... Значительная часть... утрачена, а некоторое число департизировано"⁴⁸. Ниже уточнено: по Котовичу, раскопки дали 32800 предметов, а к 1974 г. в Дагестанском краеведческом музее сохранилось всего 306 вещей, т.е. за 17 лет утрачено более 99% коллекции. Филиал Академии наук передал эту коллекцию музею целиком, а не выборочно. Значит, музей не считал нужным загружать фонды непонятными крешками и просто выбросил их.

История эта, к сожалению, типична.

Итак, что же осталось от Кипарисова, Быковского и их соратников, столь восхваляемых Генингом и Массоном? Думается, положительно ничего. Перелом на рубеже 20—30-х годов — трагедия в истории советской археологии, а вовсе не ее славная страница⁴⁹.

Примечания

- ¹ Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии 1920-х — первой половины 1930-х гг. Киев, 1982.
- ² Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 — середина 1930-х гг.). Воронеж, 1986.
- ³ Бибіков С.М., Бунастьян К.П. Радянська археологія, закономірності розвитку (рец. на кн. Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии). // Вісник АН УРСР. 1983. №11; Чесноков В.И., Шорин П.А., Пряхин А.Д. История советской археологии // История СССР. 1989. № 2.
- ⁴ Массон В.М. У истоков теоретической мысли советской археологии. Краткие сообщения Института археологии АИ СССР. 1980. Вып. 163.
- ⁵ Генинг В.Ф. Археология — целостная научная система или "дилетантские вылазки" и "полу-фабрикат знания" // Советская археология. 1989. № 3; Пряхин А.Д. Археология... Наследие. Воронеж, 1989. С. 3.
- ⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV. С. 11.
- ⁷ Борисковский П.И. Первые 30 лет Института археологии АН СССР // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1980. Вып. 163. С. 6, 8.
- ⁸ Тиханова М.А. Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК—ГАИМК) // Там же. С. 35.
- ⁹ Монгайт А.Л. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. 1963. № 4. С. 75—94.
- ¹⁰ В 60-х годах XIX в. было открыто 4 местных исторических музея, в 70-х — 8, в 80-х — 13, в 90-х — 14 и в 900-х — 16 музеев (Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX — начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. 3. С. 217—233).
- ¹¹ Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 8.
- ¹² По данным на 1927 г. число краеведческих обществ в стране за 10 лет возросло с 61 до 1112, музеев с 94 до 576. (Святский Д.О. К созыву III Всесоюзной конференции по краеведению // Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 8. С. 266).
- ¹³ Грабарь И.Э. Письма 1917—1940 гг. М., 1977. С. 29.
- ¹⁴ Ленин В.И. Биографическая хроника. М., 1976. Т. 7. С. 98; Платонова Н.И. РАИМК. Этапы становления. 1918—1919 // Советская археология. 1989. № 4. С. 5—16.
- ¹⁵ Ариховский А.В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Труды секции социологии РАНИОН. 1927. I; Киселев С.В. Поселение // Труды секции теории и методики (социологической) РАНИОН. 1928. II; Брюсов А.Я. Восстановление общественно-экономических формации в культурах неолитического типа // Там же; Смирнов А.П. Социально-экономический строй восточных финнов в IX—XIII веках н.э. // Там же.
- ¹⁶ Равикович Д.А. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921—1929) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1968. Вып. VI. С. 114.

- ¹⁷ *Грб В.И.* Дело Н.Е. Макаренко // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини. Сума—Ромни. 1990. С. 30.
- ¹⁸ *Мецианинов И.М.* О доисторическом переселении народов // Вестник Коммунистической академии. 1928. Т. 29(6). С. 190—238.
- ¹⁹ *Хльпало Ю.* На краеведном фронте Белоруссии и Украины // Советское краеведение. 1931. № 2. С. 19—21, 23.
- ²⁰ Культурное строительство СССР. Статистический справочник. М., 1956. С. 287.
- ²¹ *Кандидов Б.* Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда. М., 1929, С. 165.
- ²² *Акинъшин А.Н., Ласунский О.Г.* Дело краеведов Центрального Черноземья // Отечество. 1990. № 1. С. 56—66.
- ²³ *Коненков С.Т.* Дорогое родство // Огонек. 1961. № 2. С. 30.
- ²⁴ *Левинсон Н.Р.* Охрана внемузейных памятников // Советский музей. 1932. № 6. С. 57.
- ²⁵ *В.Г.* За большевистскую бдительность в краеведении // Советское краеведение. 1932. № 1. С. 10.
- ²⁶ *Худяков М.Г.* Археологи в художественной литературе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5—6. С. 117—118.
- ²⁷ *Тихонов И.Л.* Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917—1936) // Вестник ЛГУ. 1988, Сер. 2. Вып. 3. (№ 16). С. 13.
- ²⁸ *Куришанак И.* Как разрабатывают буржуазные историки идеологию диверсии // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 115—118.
- ²⁹ *Равдоникас В.И.* За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. Т. VIII Вып. 3—4. С. 94.
- ³⁰ *Готье Ю.В.* Что дала археологическая наука для понимания древнейшего периода русской истории // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М., 1916.
- ³¹ *Столяр А.Д.* Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. С. 8—30.
- ³² *Быковский С.Н.* Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // Сообщения ГАИМК. 1931. № 4—5. С. 20.
- ³³ *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. С. 101.
- ³⁴ *Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П.* Возникновение, развитие и исчезновение марксистской археологии // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1—2. С. 48.
- ³⁵ *Быковский С.Н.* К итогам Всероссийского археолого-этнографического совещания // Сообщения ГАИМК, 1932, № 1—12.
- ³⁶ *Равдоникас В.И.* За марксистскую историю материальной культуры. С. 53.
- ³⁷ Там же. С. 32.
- ³⁸ *Резник С.Е.* Николай Вавилов. М., 1968. С. 274—277.
- ³⁹ *Григорьев В.В.* К вопросу о центрах происхождения культурных растений // Известия ГАИМК. Т. XIII. Вып. 9, С. 11, 16, 21, 22. Замечательно, что в книге 1986 г. Пряхин пишет об огромном влиянии идей Вавилова на сотрудников ГАИМК. Об этом якобы свидетельствует брошюра Григорьева, где есть и полезные критические замечания (*Пряхин А.Д.* История советской археологии (1917 — середина 1930-х гг. С. 196, 197).
- ⁴⁰ *Киселев С.В.* Семантика орнамента карасукских стел // Известия ГАИМК. 1933. Вып. 100. С. 290.
- ⁴¹ *Равдоникас В.И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // Известия ГАИМК. 1932. Т. XII. С. 5—106.
- ⁴² *Арциховский А.В.* Возникновение феодализма в Суздальской и Смоленской землях // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 11—12. С. 35—66.
- ⁴³ *Быковский С.Н.* Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследователями? // Сообщения ГАИМК. 1931. М 4—5. С. 20, 21.
- ⁴⁴ *Равдоникас В.И.* За марксистскую историю материальной культуры. С. 78.
- ⁴⁵ *Быковский С.Н.* Археология и политика // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7—8.
- ⁴⁶ *Кричевский Е.Ю.* Буржуазная археология в советском музее // Сообщения ГАИМК. 1931. № 9—10; *Бернштам А.Н.* Идеализм в этнографии (Руденко и руденковщина) // Там же. 1932. № 1—2. *Борисковский П.И.* Рец. на кн.: Лунин Б.В. На шляху до марксіської-археології // Там же; *Окладников А.П.* За методологію діалектичного матеріалізму в історії докласового общества // Там же, 1932. № 3—4.
- ⁴⁷ *Кириченко И., Фролов А.* Как бережем наследство // Советская культура. 1989. 12 дек.
- ⁴⁸ *Амирханов Х.А.* Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий. Автореф. канд. дисс. Л., 1977.
- ⁴⁹ *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. С. 127, 133, 205; *Пряхин А.Д.* История советской археологии (1917 — середина 1930-х годов). С. 143, 144, 187, 199, 203.